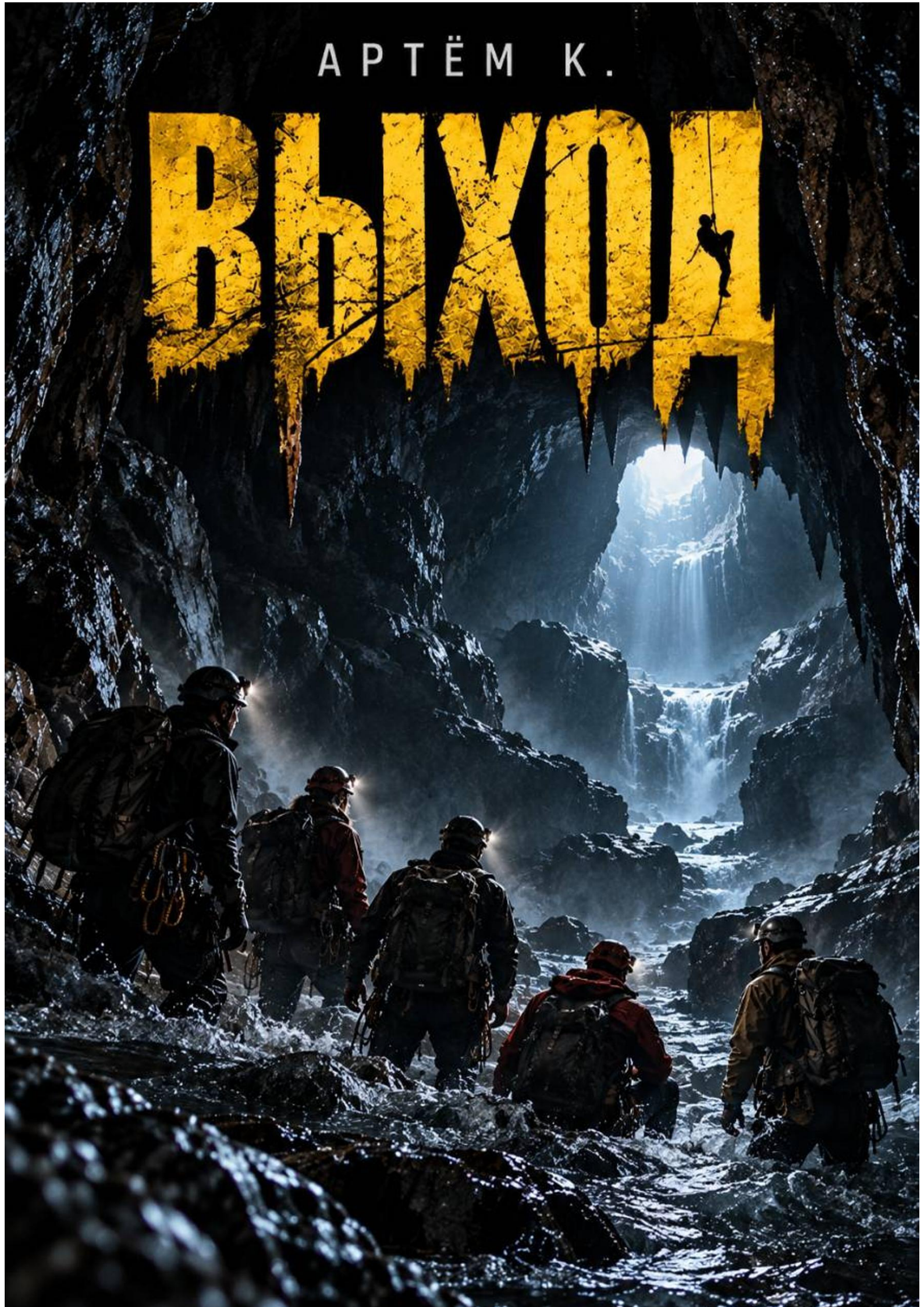
АРТЁМ К.

ВЫХОД

Артём К

ВЫХОД

«Автор»
2026

К А.

ВЫХОД / А. К — «Автор», 2026

Пятеро друзей спускаются в пещеру Тёплая на Алтае. Обычный маршрут, знакомое снаряжение, несколько часов под землёй. К вечеру они собираются вернуться домой.Но начинается дождь. Вода поднимается быстрее, чем они ожидали, и привычный путь назад становится ловушкой.Теперь у них нет связи с внешним миром, время работает против них, а каждое решение может стоить кому-то жизни.Пятеро вошли в пещеру вместе. Но что произойдёт, когда ради спасения одного придётся выбирать за других?«Выход» психологический триллер о выживании, страхе и цене человеческого выбора.

© К А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1. Спуск 6
2. Ниже 12
3. Четыре часа 17
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Артём К
ВЫХОД

Пещера Тёплая, её ходы и колодцы, а также все персонажи и события этой книги вымышлены. Любые совпадения с реальными местами и людьми случайны.

1. Спуск

Пещеру называли Тёплой.

Олег узнал об этом в машине, когда до входа оставалось километров сорок по грунтовке, и с тех пор не мог успокоиться.

— Сколько там внутри?

— Плюс четыре, — сказал Андрей, не отрываясь от дороги.

— А почему Тёплая?

— Нашли в декабре. Снаружи было минус тридцать.

Олег подумал.

— То есть её назвали люди, которые замёрзли.

— Примерно.

— Тогда я требую, чтобы следующую пещеру назвали мы. После выхода. Когда будем мокрые.

— И как назовёшь?

— Честно.

Вика на заднем сиденье, не открывая глаз, сказала:

— Если ты сейчас её назовёшь, я выйду из машины.

— На ходу?

— Мне уже почти всё равно.

Максим улыбнулся и посмотрел в окно. За стеклом тянулся осенний Алтай: жёлтые лиственницы, серые осыпи, небо низкое и ровное, как потолок в районной поликлинике. Над дальним хребтом лежала полоса облаков — тёмная, плотная, не торопящаяся.

Андрей тоже её видел. Максим заметил, как он дважды посмотрел на хребет и один раз — на часы.

— Дождь обещали с вечера, — сказал Максим.

— С вечера, — согласился Андрей. — К шести будем наверху.

Так говорят люди, которые уже посчитали.

Саша сидел рядом с Викой и держал на коленях рюкзак. Рюкзак был новый, огромный и набитый так, что молния на верхнем клапане не сходилась. Он держал его обеими руками, как держат в автобусе чужого кота.

— Можно вопрос? — сказал Саша.

— Ты его уже задал, — сказал Олег.

— Ещё один.

— Давай.

— А если что-нибудь случится?

Олег развернулся к нему всем корпусом, насколько позволял ремень.

— Тогда главное — не паниковать.

Саша с облегчением кивнул.

— Паниковать будем мы, — закончил Олег и отвернулся обратно.

Вика открыла один глаз, посмотрела на Сашу и закрыла снова.

— Он шутит, — сказала она. — Паниковать не будет никто. Андрей не разрешит.

— Не разрешу, — подтвердил Андрей.

Саша ещё сильнее прижал к себе рюкзак.

* * *

К входу подъехали в половине восьмого.

Площадка у ручья, два кострища, ржавая бочка, в которой кто-то когда-то что-то жёг. Дальше тропа поднималась по склону к скальному выходу, где между двух известняковых плит темнела щель, из которой тянуло холодом и мокрым камнем.

Андрей первым делом достал телефон и отошёл к бочке, туда, где ещё была одна полоска сети. Максим слышал обрывки: «...пять человек... Тёплая, до траверса и обратно... выход сегодня к шести... контрольный — воскресенье, двадцать один ноль-ноль...»

Потом Андрей вырвал из блокнота лист и написал всё то же самое от руки: пять фамилий, дату, маршрут, время контрольного срока. Сунул лист в пластиковый файл, файл — в пустую банку из-под кофе, банку прижал камнем у самого входа.

— Это зачем? — спросил Саша. — Ты же позвонил.

— Затем, что телефон можно не услышать, а банку видно.

— Кому?

— Тем, кто придёт, если мы не придём.

Саша посмотрел на банку дольше, чем на неё стоило смотреть.

Андрей раскладывал на брезенте снаряжение и проверял его так, как проверяют чужие документы: без спешки и без доверия.

Схема пещеры у него была своя — нарисованная от руки, отсканированная, распечатанная и запаянная в прозрачный файл. На ней было всё: колодцы, ходы, узости, номера точек, стрелки, пометки мелким почерком, смысл которых помнил только Андрей.

— Ты её хоть кому-нибудь даёшь? — спросил Олег.

— Нет.

— А если ты потеряешься?

— Тогда она потеряется вместе со мной, и вам будет всё равно.

— Утешил.

Саша вдруг наклонился над схемой.

— Это топосъёмка? — спросил он.

Андрей поднял на него глаза.

— Типа того.

— Пикеты, — сказал Саша и ткнул пальцем в цифры у стрелок. — А это отметки. Минус сорок два, минус пятьдесят восемь… От входа считаете?

— От входа.

— У нас на работе такие же. Только сверху, по земле.

— Где работаешь?

— В изысканиях. Геодезистом. — Саша смутился, как будто признался в чём-то стыдном. — Ну, как геодезистом. Тахеометр таскаю в основном.

Андрей хмыкнул. Не то одобрительно, не то просто так. Сложил схему и убрал в нагрудный карман.

Никто не обратил на этот разговор внимания: Олег искал второй носок, Максим проверял фонари, Вика ругалась с молнией на гермомешке.

Кроме схемы, в транспортнике у Андрея всегда лежал аварийный набор. Он и сейчас проверил его по списку, вслух, как молитву: бивачный мешок, свёрнутая пенка, два спасательных одеяла, маленькая газовая горелка с баллоном, пачка свечей, запасные батарейки на всех, сорок метров запасной верёвки.

— Ты как будто на неделю собрался, — сказал Олег.

— На день, — сказал Андрей. — Просто на день, который может затянуться.

— И часто затягивался?

— Ни разу.

— Тогда зачем?

Андрей застегнул транспортник.

— Затем, что ни разу.

Олег открыл рот, подумал и закрыл обратно.

Олег переодевался прямо у машины, прыгая на одной ноге, и ругался на комбинезон, который за лето, по его словам, сел. Потом он достал из бокового кармана рюкзака пару толстых шерстяных перчаток в целлофановом пакете, показал всем и убрал обратно.

— Сухие, — объявил он. — На всякий пожарный.

— Ты их каждый раз берёшь и ни разу не надел, — сказала Вика.

— Потому что всякого пожарного ни разу и не было. Работает.

Вика укладывала аптечку — больше обычной. Сверху, в отдельном гермомешке, лежал ещё один термослой: тонкая синяя флиска, которой Максим на ней ни разу не видел.

— Запасной?

— На всякий, — сказала Вика и, помолчав, добавила, кивнув на Сашу: — Он в хлопковой футболке собрался.

— Я переоденусь.

— Ты переоденешься во что?

Саша открыл свой огромный рюкзак. Оттуда появились: второй фонарь, третий фонарь, пауэрбанк, ещё один пауэрбанк, термос, две банки тушёнки, складной нож размером с небольшую лопату, книжка в мягкой обложке и пачка влажных салфеток.

— Книжка зачем? — спросил Олег.

— Почитать. На привале.

— В пещере.

— Там же будет привал.

Олег посмотрел на Максима. Максим пожал плечами. Олег посмотрел на Андрея. Андрей молча вынул из Сашиного рюкзака тушёнку, книжку, один пауэрбанк и складной нож и сложил их в машину.

— Нож мне дядя подарил, — сказал Саша.

— Дядя его и заберёт, — сказал Андрей. — Если что.

Термос он оставил.

* * *

Обвязку Саше застёгивал Максим.

Сначала Саша попробовал сам. Ножные петли у него оказались перекручены, пояс сидел где-то на рёбрах, а центральный карабин — дельту — он закрутил так, что муфта ушла не в ту сторону. Максим минуту смотрел на это, потом сказал:

— Стой.

И начал сначала.

Он делал это не торопясь, как делал всегда: расправил петли, подтянул пояс на кости таза, где он и должен сидеть, провёл дельту через обе петли, закрутил муфту до упора. Потом открутил, проверил резьбу пальцем и закрутил снова.

— Ты два раза проверил, — сказал Саша.

— Я всегда два раза проверяю.

— Зачем? Если первый раз нормально.

— Первый раз проверяешь, что правильно. Второй — что не ошибся в первом.

Саша подумал.

— А третий?

— Третий — если ты псих.

— Он третий тоже иногда делает, — сказал Олег, не оборачиваясь. — Я видел.

Максим закончил, похлопал Сашу по плечу и отошёл. Потом вернулся и ещё раз проверил муфту.

— Три! — захохотал Олег. — Все видели?

— Это было не для него, — сказал Максим. — Это было для меня.

Он действительно не мог отойти от человека, не убедившись, что с этим человеком всё в порядке. Олег называл это «синдромом старшего брата». Бывшая жена называла это иначе, но тоже одним словом.

Вика посмотрела на Максима поверх каски и ничего не сказала.

* * *

В пещеру вошли в восемь пятнадцать.

Первые метров тридцать шли, пригнувшись, по сухому ходу, который постепенно опускался. Свет снаружи уходил не сразу: сначала серое пятно за спиной, потом полоска, потом просто ощущение, что где-то сзади есть выход. Потом и оно пропало.

Максим любил этот момент: за спиной ещё мир, а впереди нет ничего, кроме того, что осветишь сам. Звуки меняются первыми. Исчезают ветер, птицы, фоновое шуршание, которого наверху даже не замечаешь. Остаётся дыхание, шорох комбинезонов, звяканье железа на поясе и где-то далеко — вода. Тихо, ровно, как чужой разговор за стеной.

— Слышите? — спросил Саша.

— Это ручей, — сказал Андрей. — Он нас до самого низа провожать будет.

— Он большой?

— Сейчас — по щиколотку.

Максим потом много раз вспомнит это «сейчас». Но тогда он его не услышал.

Первый колодец был несложный — двенадцать метров, ровная стенка, удобная площадка наверху. Андрей навесил верёвку и ушёл вниз первым, быстро и почти беззвучно. Через минуту снизу донеслось глухое «свободно».

Следом пошла Вика. Потом Олег, который на спуске запел что-то из «Кино» и на середине перепутал слова.

Саша стоял у края и смотрел вниз.

Внизу было темно. Не так темно, как ночью, а по-другому — окончательно. Свет налобника упирался в стену напротив, скользил по ней вниз и метра через четыре просто заканчивался.

— Там же не видно дна, — сказал Саша.

— Там есть дно, — сказал Максим. — Там Олег стоит. Олег, ты стоишь?

— Стою, — отозвался снизу голос. — Правда, мне здесь уже не нравится.

Саша не засмеялся.

Максим встал рядом с ним на колени и заговорил, как с десятком новичков до него: медленно, про каждое действие отдельно. Вот верёвка. Вот спусковое. Вот ты встёгиваешь его вот так. Вот правая рука — она тормозит, она никогда не отпускает верёвку. Левая просто держится. Садишься в обвязку. Не на край — в обвязку. Она тебя держит, не ты себя.

— А если я отпущу?

— Не отпустишь.

— А если?

— Тогда поедешь вниз быстрее, чем хотел, и Олег тебя поймает.

— Поймаю, — подтвердил снизу Олег. — Но буду орать.

Саша сел в обвязку.

Он сидел над пустотой с белыми костяшками на правой руке и смотрел не вниз, а на Максима. Максим кивнул. Саша чуть отпустил верёвку и уехал вниз на полметра. Замер. Вдохнул. Ещё на полметра.

Двенадцать метров он спускался почти пять минут.

Когда снизу донеслось его сдавленное «всё», Олег сказал: «Молоток», Вика сказала: «Дыши», а Андрей ничего не сказал — только посмотрел на часы.

Максим спустился последним. Внизу, в луче его фонаря, Саша стоял, прислонившись к стене, мокрый от пота, с глупой счастливой улыбкой человека, который только что сделал то, чего боялся.

— Нормально? — спросил Максим.

— Нормально, — сказал Саша. И, помолчав: — Там дальше таких много?

— До самого низа — семь, — сказал Андрей. — Этот самый простой.

Улыбка у Саши чуть уменьшилась. Но не исчезла.

* * *

Дальше пошли горизонтальным ходом вдоль ручья.

Ручей и правда был по щиколотку: прозрачная вода бежала по гладкому руслу, и в луче фонаря дно казалось ближе, чем было на самом деле. По стенам шли натёки — белые, желтоватые, местами розовые. С тонких трубочек сталактитов редко и звонко падали капли.

Олег шёл за Андреем и рассказывал, почему «Кино» — это музыка для спуска, а «Сплин» — для подъёма. Андрей не отвечал, но и не просил замолчать, что у Андрея означало высшую степень благосклонности. Вика шла третьей и иногда говорила: «Под ноги». Саша шёл четвёртым и смотрел под ноги так старательно, что два раза ударился каской о потолок.

Максим шёл последним.

Он всегда шёл последним, когда в группе был новичок: так было видно, кто отстаёт, кто начинает дышать тяжелее. Впереди прыгали четыре пятна света, и по тому, как они прыгали, Максим мог рассказать о каждом больше, чем тот рассказал бы сам.

Андрей — ровно, без лишних движений. Олег — рывками, потому что всё время оборачивался договорить. Вика — плавно и внимательно. Саша — судорожно, со вспышками, когда он поворачивал голову на каждый новый звук.

Пятеро. Все здесь. Он часто пересчитывал их, сам того не замечая.

На маленькой площадке у поворота Андрей остановился и разрешил пять минут. Все сели. Саша открыл термос и налил себе чаю — горячего, сладкого, пахнущего чем-то домашним, — и этот запах в холодном каменном воздухе был таким неуместным и таким хорошим, что все замолчали.

— Дашь? — спросил Олег.

Саша дал. Потом Вике. Потом Максиму. Андрей отказался, потом передумал.

— О, — сказал Олег, отхлебнув. — Анекдот. Приходит мужик в пещеру. А там…

Он хрюкнул в кружку и замолчал, трясясь от смеха.

— Олег, — сказала Вика. — Мы его слышали.

— Вы его не слышали. — Олег вытер глаза. — Его никто не слышал до конца. Я сам не слышал. Там дальше самое смешное, я до него не доживаю.

— Вот, — сказал Саша, закручивая крышку. — А вы тушёнку выложили.

— Тушёнку нельзя пить, — сказал Олег.

— Её можно есть.

— На привале. Когда будешь книжку читать. Её, кстати, тоже выложили.

Саша улыбнулся — впервые за утро по-настоящему.

Максим подумал, что из парня, может быть, что-то и получится. Не в этот раз, так когда-нибудь.

Андрей встал первым.

— Подъём. До траверса ещё часа два с половиной. За траверсом четвёртый колодец и перекрёсток. Там перекусим — и назад.

— А до самого низа не пойдём? — спросил Саша.

— Не сегодня. К шести — у машины.

— А дождь?

Андрей посмотрел на потолок, как будто сквозь сто метров известняка мог увидеть небо.

— Дождь будет вечером, — сказал он. — Мы к вечеру будем в машине.

Олег поднялся, отряхнул колени и сказал:

— Все слышали? Андрей договорился с погодой. Если что — претензии к нему.

— Если что, — сказал Андрей, — претензий не будет. Будет некогда.

Когда все пошли, Олег задержался, пропуская Сашу вперёд, и оказался рядом с Максимом.

— Макс, — сказал он негромко, без улыбки. — Я перед траверсом каждый раз боюсь. Семь лет хожу — и каждый раз. Ты никому.

Максим посмотрел на него. Олег смотрел вперёд, туда, где прыгал Сашин свет.

— А болтаешь тогда зачем?

— Затем и болтаю. — Олег пожал плечами. — Пока я болтаю, боится он. А не я.

Он догнал Андрея и заговорил про «Сплин» раньше, чем Максим успел ответить.

Они пошли дальше, вниз, вдоль ручья, который пока ещё был по щиколотку.

Наверху, у входа, под камнем, в банке из-под кофе, лежал лист из блокнота. Пять фамилий. Маршрут. И строчка, которую Андрей обвёл два раза:

«Контрольный срок — воскресенье, 21:00».

2. Ниже

Через три часа телефоны окончательно превратились в фонарики, которые ещё и показывают время.

Саша первые полчаса продолжал доставать свой и смотреть на экран, как будто сеть могла появиться где-нибудь между сталактитами. Потом перестал. Потом достал снова — просто посмотреть время, — и Максим увидел у него на лице не страх, а удивление человека, который впервые в жизни оказался там, где его невозможно найти.

— Одиннадцать двадцать, — сообщил Саша.

— Мы знаем, — сказал Олег. — У нас тоже есть часы. Мы просто на них не смотрим. Это называется «отдыхать».

— Мы же не отдыхаем.

— Вот поэтому и не смотрим.

Потом был второй колодец — двадцать пять метров, вдвое глубже первого. Он был мокрым: по дальней стене сбегал ручей, разбиваясь внизу в белую пыль, а по ближней сочилась вода и затекала на спуске за воротник. Саша спускался шесть минут и внизу, отстёгиваясь, сказал «кайф» так тихо, будто боялся, что пещера услышит и передумает.

Олег хлопнул его по каске.

— Всё. Ты спелеолог. Можешь теперь всем рассказывать и не приглашать на вечеринки.

— Почему не приглашать?

— Потому что будешь рассказывать.

Третий колодец, короткий, метров восемь, он прошёл почти не задумываясь. Ход после него становился ниже и уже, местами — на четвереньках, с транспортником впереди. Ручей то уходил под камни и бормотал где-то снизу, то снова выныривал, и тогда шли прямо по нему.

У одного такого места Андрей остановился.

Присел над водой, опустил в поток всю ладонь и держал её там несколько секунд, как будто щупал пульс.

— Что? — спросил Максим.

— Выше, чем утром.

Разница, если она и была, укладывалась в пару сантиметров. Вода была такой же прозрачной, только, может быть, чуть громче звучала в узостях.

— Намного?

— Нет.

Андрей встал и вытер руку о комбинезон.

— Где-то наверху моросило, — сказал он. — Или снег на гольцах подтаял. Нормально.

Он сказал «нормально» и пошёл дальше. Но Максим заметил, что после этого он стал чаще смотреть на часы. Раньше — раз в полчаса. Теперь — каждые десять минут, быстро, почти незаметно, как смотрят люди, которые опаздывают.

Вика тоже заметила. Она поймала взгляд Максима и чуть приподняла бровь. Максим пожал плечами.

За двенадцать лет Андрей ни разу не сказал ничего только для того, чтобы кого-то успокоить. Максим подумал об этом и успокоился.

* * *

К половине первого они вышли к траверсу.

Андрей посмотрел на часы, потом на Сашу, потом снова на часы.

— Отстаём на час с лишним, — сказал он. — Перекрёсток сегодня отменяется. Проходим траверс, с той стороны смотрим четвёртый колодец — и назад.

— А перекусить? — спросил Олег.

— На той стороне.

Саша покраснел так, что это было видно даже в свете налобников. Никто ему ничего не сказал.

Это было место, про которое Андрей рассказывал ещё в машине. Ход упирался в поперечную трещину — узкую, но глубокую: луч налобника уходил вниз метров на шесть и там упирался в камни, между которыми белел ручей. Через трещину перекинуться было нельзя. Зато вдоль правой стены шёл карниз — полка шириной в полторы ступни, местами в две, местами почти в одну. По карнизу, метров двенадцать, можно было пройти на ту сторону.

Вдоль карниза по стене была натянута верёвка — перила. Андрей навесил их ещё весной и теперь первым делом прошёл по ним туда и обратно, проверяя каждую точку крепления.

— Держат, — сказал он, вернувшись. — Правила такие. Два уса. Всегда два. На перестёжке — сначала встёгиваешь второй ус за точкой, потом отстёгиваешь первый. Ни в какой момент не висишь на одном. Ни в какой момент не висишь на нуле. Понятно?

— Понятно, — сказал Саша.

— Понятно, — сказал Олег. — Андрюх, мы тут не первый раз.

— Он — первый, — сказал Андрей, кивнув на Сашу. — Поэтому я говорю вслух. Чтобы он слышал, как вы это делаете, а не как ему кажется.

Олег поднял руки: сдаюсь.

Андрей распределил порядок. Сам — первым, на ту сторону, принимать. За ним Вика. Потом Олег. Потом Саша. Максим — последним.

— Макс, — сказал Андрей, уже встёгиваясь в перила, — смотри за Олегом на средней перестёжке. Там полка узкая. Он вечно торопится.

— Я не тороплюсь, — сказал Олег. — Я живу насыщенной жизнью.

— Живи её на двух усах.

Андрей ушёл по карнизу так, как ходят по собственному коридору в темноте: не глядя под ноги. Через минуту он стоял на широкой площадке на той стороне.

— Свободно.

Вика прошла медленнее, но чисто: на средней перестёжке аккуратно переставила усы — сначала один, потом второй. На той стороне подняла большой палец.

Олег встегнулся.

— Смотрите и учитесь, — сказал он Саше. — Это называется «грация».

И пошёл.

Максим стоял у начала карниза рядом с Сашей и светил Олегу в спину. Олег шёл легко, почти весело, одной рукой придерживаясь за стену, и что-то напевал. Шесть метров под ним шумела вода.

— Стрёмно, — сказал Саша.

— Нормально, — сказал Максим. — Главное — два уса.

— Я помню.

— Покажи.

Саша показал. Два уса — две короткие стропы от обвязки, на концах карабины. Максим кивнул.

— Встёгивайся. Как только Олег пройдёт середину — пойдёшь.

Саша встегнул в перила первый ус, потом второй. Потом дёрнул за первый, проверяя, — и карабин не открылся обратно. Муфта, которую он, видимо, перекрутил, заклинила намертво.

— Максим.

— Что?

— Он не открывается.

— Кто?

— Карабин.

Максим повернулся к нему.

Не раздумывая — так же, как утром застёгивал Саше обвязку, как десятки раз поворачивался к новичкам, у которых что-то заело. Луч его налобника ушёл с Олега на Сашины руки.

— Дай посмотрю.

Максим взялся за муфту двумя пальцами, надавил. Не пошла.

— Не дёргай, — сказал он Саше. — Ты её так ещё сильнее затягиваешь.

— Я не дёргаю.

— Ты дёргаешь. Отпусти руку.

Саша отпустил. Максим снова взялся за муфту, упёр карабин в ладонь и провернул с усилием, чувствуя, как металл скрипнул по металлу.

Где-то впереди Олег сказал:

— Средняя. Макс, смотришь?

— Смотрю, — сказал Максим, не поднимая головы.

Муфта провернулась на пол-оборота. Потом ещё на четверть.

— Всё, — сказал Максим. — Видишь? Закручиваешь до упора, но не…

Звук был короткий.

Не крик. Крик был потом. Сначала — сухой скрежет подошвы по мокрому камню, такой тихий, что в любом другом месте его бы не услышали. Потом — глухой удар где-то внизу. Как будто с высоты уронили тяжёлый мешок с чем-то твёрдым внутри.

Потом стало очень тихо.

Максим поднял голову.

Луч его налобника упёрся в пустой карниз. На средней перестёжке, там, где секунду назад был Олег, никого не было. Только перила чуть покачивались, как будто их задели рукой.

— Олег, — сказал Максим.

Тишина.

— Олег!

Снизу, из трещины, из-под шума воды донёсся звук. Не слово. Долгий, сквозь зубы, выдох — такой, какой издаёт человек, когда пытается не закричать и у него почти получается.

А потом он всё-таки закричал.

* * *

Следующие двадцать минут Максим помнил всё, но не по порядку.

Помнил, как Андрей уже ехал по верёвке в трещину — быстро, почти падая, хотя Максим не видел, когда тот успел навесить спуск.

Помнил голос Вики с той стороны: «Не двигайся! Олег, не двигайся, слышишь? Не шевели ногой!»

Помнил Сашу рядом, белого, с открытым ртом, всё ещё встёгнутого в перила двумя усами.

Помнил, как сам шёл по карнизу к средней перестёжке, и как руки перестёгивали усы сами — первый, второй, первый, второй, — и как он подумал, совершенно спокойно и отстранённо: «Он же был на двух. Как он мог упасть на двух».

На средней перестёжке он понял.

Точка крепления была утоплена в нишу, и перестёгиваться на ней было неудобно: надо было тянуться вправо, стоя на самой узкой части полки. Олег, видимо, решил сделать это быстро. Отстегнул оба уса разом, чтобы перебросить их через точку одним движением, — «тут метр», — и в этот момент нога поехала.

Одна секунда. Без страховки. Ровно одна.

Андрей это видел. Андрей стоял на той стороне и смотрел прямо на Олега, потому что Андрей всегда смотрит.

Максим тоже должен был смотреть.

Эту мысль он не додумал: Олег внизу, Олег кричит, надо вниз. Он перестегнулся через точку, прошёл карниз до конца, спрыгнул на площадку и начал вщёлкивать спусковое в верёвку, которую Андрей оставил.

— Макс, стой, — сказала Вика. — Сначала я. Я медик.

— Я быстрее.

— Ты быстрее упадёшь. Отойди.

Он отошёл.

* * *

Олег лежал на камнях у самой воды, на боку, в неестественной позе, в которой человек никогда не ляжет сам. Правая нога была подвёрнута под странным углом — не в колене, выше. Каска съехала на затылок. Лицо в свете налобников было серым, мокрым, с каплями пота на лбу, хотя здесь было плюс четыре.

Андрей держал его за плечи, не давая повернуться. Вика опустилась рядом на колени и работала руками быстро и молча: голова, шея, позвоночник, грудь, живот, таз. На тазе Олег снова закричал, и Вика сразу убрала руки.

— Тихо. Всё. Больше не трогаю.

Потом она сказала, не поднимая головы:

— Обвязку надо снять. Через неё я таз не посмотрю и шину нормально не наложу.

Снять не получилось — Олег кричал на каждом движении. Вика достала нож и разрезала ножные петли и пояс. Андрей молча снял с разрезанной обвязки кроль, жумар с педалью и спусковое и убрал к себе в транспортник. Железо под землёй не бросают.

Максим спустился третьим. Саша остался наверху: Андрей велел ему сесть у стены, никуда не ходить и светить вниз.

— Как? — спросил Максим.

Вика не ответила. Она смотрела на ногу.

— Бедро, — сказала она наконец. — Скорее всего, закрытый. Может быть, таз. Может быть, и то и другое. Голова вроде цела, позвоночник вроде цел. Вроде.

— Хорошая новость, — сказал Олег сквозь зубы. Голос у него дрожал, но это был его голос. — Голову не разбил.

Вика посмотрела на него.

— Это пока не установлено.

Олег засмеялся. Потом перестал, потому что смеяться было больно. Потом всё-таки засмеялся ещё раз, почти беззвучно, и по виску у него стекла слеза — не от эмоций, от боли.

— Макс, — сказал Олег.

— Здесь.

— Ты видел? Я как грохнулся?

Максим открыл рот.

И понял, что не видел.

Он видел Сашин карабин и свои пальцы на муфте. И слышал, как сам ответил «смотрю», не поднимая головы.

— Видел, — сказал Максим. — Красиво летел.

— Я так и думал, — сказал Олег. — Грация.

И закрыл глаза.

Андрей поднял голову и посмотрел на Максима — долго, спокойно, без выражения. Потом перевёл взгляд наверх, туда, где у стены сидел Саша и светил им налобником. Потом снова на Максима.

И отвернулся к Олегу, так ничего и не сказав.

* * *

Вика попросила аварийку Андрея, все сухие вещи и аптечку. Олегу вкололи обезболивающее, наложили шину из двух алюминиевых планок от транспортника и эластичного бинта, уложили на пенку, упаковали в бивачный мешок и спасательное одеяло, которое шуршало в тишине, как фольга от шоколадки.

Он перестал кричать. Теперь он просто дышал — часто, коротко, через нос.

Потом Максим поднялся наверх и перевёл Сашу через траверс. Медленно. На каждой перестёжке сам переставлял ему усы — первый, второй — и только потом отпускал. На средней Саша остановился и посмотрел вниз, туда, где в свете фонарей лежал Олег. Максим сказал: «Не смотри. Смотри на меня». Саша посмотрел на него. Руки у Максима почти не дрожали.

Потом он спустил Сашу в трещину.

Андрей отошёл в сторону, к стене, и посмотрел на часы. Максим подошёл и посмотрел тоже.

Тринадцать пятьдесят две.

До машины, если идти пятерым здоровым людям, было пять часов. До контрольного срока — тридцать один.

Олег за их спинами зашуршал одеялом и сказал в потолок, ни к кому не обращаясь:

— Мужики. Я, кажется, перчатки так и не надел.

Впервые за день никто не нашёл, что ответить Олегу.

3. Четыре часа

Первые восемьдесят метров заняли час.

Этот час не делился на куски. Он весь был одним движением, повторённым сотни раз: подняться, взяться, потянуть, опустить, выдохнуть.

Пенку с Олегом подбили снизу двумя сидушками, чтобы не протёрлась о камни, и прихватили ремнями от транспортников, чтобы нога с шиной не болталась. Получилось что-то среднее между санями и коконом. Тянули вдвоём — Максим и Андрей, — Вика шла рядом и держала голову, Саша шёл впереди и светил.

Ровного в пещере почти не бывает. Каждый камень под пенкой отзывался в Олеге коротким сдавленным «м-м», каждый порожек — длинным, сквозь зубы. На первом серьёзном уступе — полметра вверх, ерунда, здоровый человек даже не заметит — они возились пятнадцать минут. Поднимали вчетвером, считая вслух, на «три», и на «три» Олег закричал так, что Саша выронил фонарь.

Фонарь не разбился. Саша поднял его трясущимися руками и снова начал светить.

— Извините, — сказал он.

— За что? — спросил Олег. Голос у него был сиплый. — Это я ору.

— Я фонарь уронил.

— Я вообще себя уронил. С шести метров. Не соревнуйся.

Саша попытался улыбнуться. Не получилось.

* * *

Андрей нашёл место, где ход расширялся и уходил немного вверх, в сторону от ручья. Небольшой зал, метров пять на восемь, с сухим глиняным полом и низким потолком. Вода шумела рядом, но уже не под ногами.

— Здесь, — сказал он. — Кладём.

Олега опустили на пол. Вика сразу взяла его за запястье, глядя на часы, потом приложила ладонь ко лбу.

— Холодно? — спросила она.

— Нормально.

— Олег.

— Холодно, — признался он. — Но терпимо. Как в «Пятёрочке» у холодильников.

Вика кивнула и начала доставать из аптечки и аварийки всё тёплое: второе спасательное одеяло, химические грелки, шапку. Грелки она размяла и сунула Олегу под мышки и в пах, туда, где крупные сосуды. Олег сказал, что его ещё никогда так быстро не трогали в паху на первом свидании. Вика сказала, что это не свидание, а если бы было свидание, она бы трогала медленнее. Олег засмеялся, и ему снова стало больно, и он снова засмеялся, уже тише.

Максим сел у стены и только теперь почувствовал, что руки у него дрожат — от усталости, которая пришла вся сразу. Он сжал ладони в кулаки, подержал, отпустил. Руки всё ещё дрожали.

Саша сел рядом.

— Максим, — сказал Саша очень тихо, так, чтобы Олег не услышал.

— Что?

— Это из-за меня?

У Саши было лицо человека, который весь последний час думал только об этом.

— Нет, — сказал Максим. — Он отстегнулся сам. Сразу оба уса. Так нельзя, он это знает.

Это была правда.

Просто не вся.

Саша кивнул, и плечи у него расслабились — ровно настолько, насколько может расслабиться человек, которому сняли с плеч половину груза.

Вторую половину Максим оставил себе.

* * *

Андрей не садился.

Он стоял у выхода из зала, светил в сторону хода и что-то считал, беззвучно шевеля губами. Потом повернулся к ним.

— Слушайте все.

Вика подняла голову. Саша выпрямился. Олег открыл глаза.

— Мы прошли восемьдесят метров за час, — сказал Андрей. — До входа — полтора километра хода и три колодца. Колодцы вверх. С ним на руках. Через траверс его не пронести, значит, только нижним ходом, против ручья. Он выводит под второй колодец, под водопад. Мокрый, узкий, длинный.

Он не показал на Олега. Просто сказал «с ним».

— Даже если всё пойдёт хорошо, это двое суток. Может, трое. У нас нет столько верёвки, чтобы строить полиспасты на каждом колодце. У нас нет столько еды. И у нас нет столько тепла.

— Андрей, — сказала Вика.

— Дай договорить.

Она замолчала.

— Правильно так, — сказал Андрей. — Олег остаётся здесь. Здесь сухо, здесь выше воды. С ним остаются двое — греть и смотреть. Я иду наверх. Один. Налегке. Без транспортника, только железо и вода. Если выйду сейчас — к ночи буду у входа. Там есть сеть. Утром здесь будут спасатели. Нормальные, с носилками, с врачом, с людьми, которые делают это каждый месяц.

Он говорил спокойно, как утром про дождь. Он уже всё посчитал.

— Если никто не пойдёт, — закончил Андрей, — помощь даже не узнает, что она нужна. До контрольного срока ещё тридцать часов. Потом — пока соберутся, пока доедут, пока найдут. Это сорок. Может, больше.

Он посмотрел на Олега.

— Сорок часов здесь — это много.

Олег ничего не сказал. Но Максим видел, как у него дёрнулся кадык.

* * *

— Нет, — сказал Максим.

Все посмотрели на него.

Слово вырвалось раньше мыслей. Но мысли догнали — и оказались на его стороне.

— Не разделяемся.

— Макс…

— Андрей, послушай. Ты хочешь один идти вверх по трём колодцам. После семи часов под землёй, мокрый, уставший, без страховки. Ты сорвёшься на любом из них — и никто не узнает. Ни мы, ни наверху. Мы будем сидеть здесь и ждать тебя, пока не наступит контрольный срок. А ты будешь лежать на дне второго колодца, под водой.

— Я не сорвусь.

— Олег тоже не собирался.

Это было жестоко: Олег лежал в метре от них. Но Олег сам сказал:

— Он прав, кстати. Я вообще не собирался. У меня были планы на вечер.

Андрей не улыбнулся.

— И второе, — сказал Максим. — Ты единственный, кто знает маршрут. Схема у тебя. Ты её никому не даёшь. Если ты уйдёшь — мы здесь слепые. Если с тобой что-то случится — мы и без тебя, и без помощи. Это не один риск, Андрей. Это два сразу.

Андрей молчал.

— Вместе, — сказал Максим. — Медленно. Двое суток — значит, двое суток. Но все вместе. Никого не оставляем, никто не идёт один.

— Это неправильно, — сказала Вика.

Вика сидела рядом с Олегом, держа руку у него на груди, поверх мешка. Голос у неё был ровный, врачебный.

— С переломом бедра человека нельзя таскать по камням двое суток, — сказала она. — Каждое движение — это кровь в мышцы. Каждый рывок — это боль, а боль — это шок. Его надо греть и не трогать. Андрей прав. Кто-то должен идти за помощью.

— Тогда я пойду, — сказал Максим.

— Ты не знаешь маршрута.

— Андрей даст схему.

— Ты не пройдёшь его быстрее Андрея, — сказала Вика. — Даже со схемой. Ты это знаешь.

Он знал.

— Тогда никто, — сказал Максим. — Тогда все вместе.

Андрей не ответил. Он смотрел на Максима, и в свете налобника было видно, как у него ходят желваки.

— Ты сейчас не группу спасаешь, Макс, — сказал он наконец. Негромко, почти ровно. — Ты себя успокаиваешь.

Андрей не объяснил, что имеет в виду. Ему и не нужно было. Траверс. Средняя перестёжка.

Максим не ответил. Только стоял и чувствовал, как горят уши под каской, будто ему двенадцать лет и его поймали на вранье при всём классе.

Стало тихо. Только вода шумела где-то справа, за стеной.

Саша смотрел то на Андрея, то на Максима. Он не знал, кто прав, и, кажется, надеялся, что кто-нибудь просто скажет — и все согласятся.

Андрей ещё какое-то время смотрел на Максима — без злости, без обиды, так же, как у трещины два часа назад. Он мог сейчас сказать всё. При всех. Одной фразой.

И не сказал.

— Ладно, — сказал Андрей.

— Андрей, — сказала Вика.

— Он прав, Вик. — Андрей наконец сел, впервые за всё время, тяжело, как садятся очень уставшие люди. — Не во всём. Но в том, что я могу сорваться, — прав. И в том, что без меня вы отсюда не выйдете, — тоже прав. Два риска. — Он помолчал. — Я не хочу выбирать между двумя рисками. Он выбрал. Пусть будет его.

Он сказал это без упрёка.

— Отдыхаем полчаса, — сказал Андрей. — Потом тянем дальше. Нижним ходом. До второго колодца — метров шестьсот. Как поднимать его на колодцах — будем думать там.

Вика встала.

Она была на полголовы ниже Максима, и ей пришлось задрать подбородок, чтобы смотреть ему в глаза. Голос у неё стал тише.

— Хорошо, — сказала она. — Тащим. Но одно условие.

— Какое?

— Я считаю ему пульс каждые двадцать минут. Если он перестанет дрожать, или пульс уйдёт за сто двадцать, или он начнёт путаться в словах — мы останавливаемся. И с этой минуты решаешь не ты. Решаю я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.